

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
THE TOYNBEE CONVECTOR
Copyright © 1989 by Ray Bradbury

Серия «Pocket book»
Оформление А. Саукова
Фотография на обложке: © Marc Simon / Masterfile / East News

Серия «100 главных книг»
Оформление Н. Ярусовой

Брэдбери, Рэй.
Б89 К западу от Октября / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. Е. Петровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-39686-3 (Pocket book)
ISBN 978-5-699-97931-8 (100 главных книг).

В спальне захолустного мотеля на почетном месте стоит надгробный камень...

Древний ирландский призрак преследует знаменитого кинорежиссера всей силой своей нерастраченной любви...

Герою-авиатору Первой мировой войны мнится, что ему выставлен счет за былые победы...

От современного классика американской литературы — двадцать три истории о любви, смерти, человеческих взаимоотношениях и вопросах бытия.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-39686-3
ISBN 978-5-699-97931-8

© Е. Петрова, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*А эту книгу с любовью
посвящаю моим внучкам
Джулии и Клэр и Джорджи и Мэллори*

КОНВЕКТОР ТОЙНБИ

-Класс! Блеск! Ай да я!
Роджер Шамуэй плюхнулся на сиденье вертолета, пристегнул ремень, запустил пропеллер и устремился к летнему небу на своей «Стрекозе» модели «Супер-6», держа курс на юг, в сторону Ла-Хольи.

— Вот повезло так повезло!

Его ждала невероятная встреча.

Человек, который совершил путешествие в будущее, после векового молчания согласился на интервью. Сегодня ему стукнуло сто тридцать лет. А ровно в шестнадцать часов по тихоокеанскому времени исполнялось сто лет с момента его уникального путешествия.

Именно так! Столетие тому назад Крейг Беннет Стайлз помахал рукой, шагнул в свой аппарат, так называемый мега-хронометр, и покинул настоящее. С тех пор он так и остался единственным за всю историю человечества путешественником во времени. А Шамуэй стал единственным в истории репортером, который удостоился от него приглашения на чашку чая. Но помимо этого?.. Не исключено, что старик собирался объявить о втором — и последнем — путешествии во времени. Он сам на это намекнул.

— Эй, дед! — воскликнул Шамуэй. — Мистер Крэйг Беннет Стайлз, я уже на подходе!

«Стрекоза», чуткая к его восторгам, оседлала ветер и понеслась вдоль побережья.

Старик поджидал у себя в Ла-Холье, на крыше «Обители времени», примостившейся возле кромки утеса, откуда стартовали воздухоплаватели. В вышине пестрели алые, синие и лимонно-желтые дельта-планы, с которых доносились мужские голоса, а на краю земли толпились девушки, что-то кричавшие в небо.

В свои сто тридцать лет Стайлз был еще хоть куда. При виде вертолета он сощурился, и выражение лица у него стало точь-в-точь как у парящих в воздухе простодушных аполлонов, которые рассыпались в разные стороны, когда вертолет нырнул вниз.

Шамуэй завис над крышей, предвкушая желанный миг.

К нему было обращено лицо человека, который увидел во сне очертания городов, испытал непостижимые озарения, запечатлел секунды, часы и дни, а потом бросился в реку веков и поплыл, куда задумал. Бронзовое от загара лицо именинника.

Ведь как раз в этот день, сто лет назад, Крэйг Беннет Стайлз, только-только завершивший путешествие во времени, обратился по каналам «Телстара» к миллиардам телезрителей во всем мире, чтобы описать им будущее.

— Мы своего добились! — сказал он. — У нас все получилось! Будущее принадлежит нам. Мы заню-

во отстроили столицы, преобразили города, очистили водоемы и атмосферу, спасли дельфинов, увеличили популяцию китов, прекратили войны, установили в космосе солнечные батареи, чтобы освещать Землю, заселили Луну, Марс, а вслед за тем и Альфу Центавра. Мы нашли средство от рака и победили смерть. Мы это сделали — слава богу, мы все это сделали! Да воссияют будущего пики!

Он показал фотографии, продемонстрировал образцы, предоставил пленки и диски, аудиокассеты и видеозаписи своего невероятного турне. Мир сошел с ума от радости. Мир с ликованием бросился навстречу своему будущему, мир поклялся спасти всех и вся, не причиняя вреда живым тварям на суше и на море.

Воздух огласили приветственные крики старика. Шамуэй ответил тем же, и по его велению «Стрекоза» пошла на посадку в облаке летней прохлады.

Крейг Беннет Стайлз, ста тридцати лет от роду, сделал широкий, энергичный шаг вперед и, как ни удивительно, помог молодому репортеру выбраться из «вертушки», потому что Шамуэй, пораженный такой встречей, внезапно почувствовал дрожь в коленках.

— Даже не верится, что я здесь, — сказал Шамуэй.

— Здесь, где же еще, — засмеялся путешественник, — и как раз вовремя. Не ровен час я рассыплюсь в прах и увеюсь с ветром. Закуски уже на столе. Полный вперед!

Чеканя шаг, Стайлз двинулся вперед под мелькающей тенью винта, словно в кинохронике из далекого будущего, которое странным образом уже кануло в прошлое.

Шамуэй потрусил следом, как дворняжка за победоносной армией.

— Какие будут вопросы? — Старик ускорил ход.

— Во-первых, — выдохнул Шамуэй, еле попевая за ним, — почему спустя сто лет вы нарушили молчание? Во-вторых, почему выбрали меня? В-третьих, какое эпохальное заявление будет сделано сегодня, ровно в шестнадцать часов, когда ваше молодое «я» прибудет из прошлого, когда — на какой-то быстротечный миг — вы окажетесь в двух местах одновременно, когда две ваших ипостаси, прежняя и нынешняя, парадоксальным образом сольются воедино, ко всеобщей радости?

Старик рассмеялся:

— Ну, ты и завернул!

— Прошу прощения. — Шамуэй покраснел. — Домашняя заготовка. Ну, не важно. В общем, к этому и сводятся мои вопросы.

— Скоро получишь ответы. — Старик тронул его за локоть. — Всему... свое время.

— Извините, я немного волнуюсь, — признался Шамуэй. — Как-никак, вы — человек-загадка. Вас знают на всем земном шаре, ваша слава безгранична. Вы повидали будущее, вернулись, рассказали о своем путешествии — а потом отгородились от мира. Нет, если быть точным, вы месяц-другой разъезжали по всему свету, мелькали на экранах, написали книгу, подарили нам великолепный двухчасовой телефильм, но после этого ушли в добровольное заточение. Конечно, машина времени до сих пор выставлена у нас на первом этаже, и посетителям ежедневно, в пол-

день, предоставляется возможность ее осмотреть и потрогать. Но вы отказались пожинать плоды личной славы...

— Это не так. — Старик все еще вел его по крыше. Внизу, среди зелени, уже садились другие вертолеты, которые доставляли телевизионное оборудование самых разных компаний, чтобы можно было запечатлеть фантастическое зрелище, когда машина времени появится из прошлого, зависнет в небе и унесется в другие города, прежде чем опять кануть в прошлое. — Как создатель, я по мере сил участвовал в создании того самого будущего, которое увидел в молодости, посетив наше золотое завтра!

Они помедлили, наблюдая за кипящими внизу приготовлениями. В саду накрывали огромные фуршетные столы. С минуты на минуту ожидалось прибытие политических деятелей мирового масштаба, которые пожелали выразить признательность — возможно, в последний раз — этому легендарному, почти мифическому путешественнику.

— Пошли, — сказал старик. — Хочешь посидеть в машине времени? Такое еще никому не позволялось, ты и сам знаешь. Хочешь стать первым?

Ответа не потребовалось. От старика не укрылось, как заблестели и увлажнились глаза молодого гостя.

— Да ладно тебе, — забормотал старик. — Будет, будет, чего уж там...

Стеклянная кабина лифта скользнула вниз и перенесла их на цокольный этаж, где посреди белоснежного зала стоял...

Умопомрачительный аппарат.

— Ну вот. — Стайлз тронул какую-то кнопку, и пластиковый футляр, сто лет защищавший машину времени, отъехал в сторону; старик кивнул. — Залезай. Садись.

Шамуэй медленно пошел к машине.

Стайлз тронул еще одну кнопку, и машина, вспыхнув изнутри, стала похожей на затянутую паутиной пещеру. Она вдыхала годы и тихо выдыхала воспоминания. По ее хрустальным венам летали призраки. Великий бог-паук за одну ночь соткал для нее ковры. Она была обитаемой; она была живой. Ее механизм омывали невидимые приливы и отливы. В ее чреве хранился жар солнц, таились фазы лун. С одного края, вся в клочьях, металась осень, а с другого подступали снежные зимы, которые влекли за собою весенние цветы, чтобы опустить их на поляны лета.

Не в силах произнести ни звука, молодой репортер вцепился в подлокотники мягкого кресла.

— Ты не бойся, — приободрил его старик. — Я же не отправляю тебя в путешествие.

— Да я бы не возражал, — отозвался Шамуэй.

Старик взгляделся в его лицо.

— Верю. Ты похож на меня — каким я был сто лет назад. Ни дать ни взять мой названный сын!

Тут молодой гость прикрыл глаза; ресницы поблескивали влагой, а витавшие со всех сторон призраки сулили бессчетное множество завтрашних дней.

— Что скажешь? Как тебе нравится мой «конвектор Тойнби»? — порывисто заговорил старик, отгоняя грезы.

Он отключил подсветку. Репортер открыл глаза.

— «Конвектор Тойнби»? Что это?..

— Ага, еще одна загадка? Так я про себя зову этот аппарат — в честь великого Тойнби, блестящего историка, который сказал: любая общность, любая раса, любая цивилизация, которая не стремится поймать будущее и повлиять на него, обречена превратиться в прах, остаться в прошлом.

— Он прямо так и сказал?

— Примерно. Да. Так вот, можно ли выдумать лучшее название для моей машины? Ау, Тойнби, где ты там? Вот тебе ловушка для будущего!

Старик схватил гостя за локоть и вытянул из кабины.

— Хорошего понемножку. Времени у нас в обрез. Сюда вот-вот пожалуют сильные мира сего. А потом Стайлз, ветеран путешествий во времени, сделает последнее эпохальное заявление! За мной!

Вернувшись на крышу, они посмотрели вниз, где уже собирались знаменитости и полужнаменитости со всего света. На подъездах образовались пробки, небо заслонили вертолеты и бипланы. Дельтапланам не осталось места; они, как стадо цветных птеродактилей, уже давно томились на краю обрыва, сложив крылья и подняв носы к облакам.

— Надо же, — прошептал старик, — все это — *в мою честь*.

Репортер взглянул на часы:

— Без десяти четыре, начинаем обратный отсчет. Близится великое прибытие. Уж извините, но это я

сочинил еще на прошлой неделе, когда писал о вас материал для «Новостей». Прибытие и отправление, которые слились в единый миг, когда вы, шагнув сквозь время, изменили будущее всего мира — от ночной тьмы к свету дня. Но меня преследует один вопрос...

— Говори какой?

Шамуэй уставился в небо:

— Когда вы двигались вперед по ходу времени, неужели никто не замечал вашего прибытия? Как вы думаете, неужели ни один человек, задрав голову, не увидел, как в воздухе завис ваш аппарат — сначала здесь, потом над Чикаго, над Нью-Йорком и Парижем? Ни одна живая душа?

— Как тебе сказать, — ответил создатель «конвектора Тойнби». — Полагаю, меня просто не ждали! Если кто-то и заметил нечто странное, откуда ему было знать, что это за штукавина! К тому же я соблюдал осторожность, нигде подолгу не задерживался. Много ли мне было нужно: снять на пленку перестроенные города, чистые моря и реки, свежий, не знающий смога воздух, неукрепленные рубежи, спокойную жизнь всеобщих любимцев — китов. Я перемещался стремительно, фотографировал быстро и пулей помчался назад, против течения времени. Как ни парадоксально, сегодня все будет иначе. Миллионы и миллионы глаз дружно устремятся вверх. Каждый человек в бескрайней толпе будет переводить взгляд — разве не так? — с желторотого авантюриста, сгорающего в небе, на старого дурака, все еще гордого своей победой.

— Это правда, — сказал Шамуэй. — Так и будет!

Раздался хлопок. Шамуэй оторвался от зрелища людской толчеи на окрестных площадках, от кружения летающих машин, потому что Стайлз откупорил бутылку шампанского.

— Наш приватный тост на приватном празднике.

Взяв бокалы, они ждали заветного мгновения, за которое полагалось выпить.

— Осталось пять минут, продолжаем обратный отсчет. А почему, — спросил молодой репортер, — никто, кроме вас, не совершал путешествий во времени?

— Да потому, что я сам положил этому конец, — ответил старик, перегибаясь через ограждение крыши и глядя на толпы собравшихся. — Осознал, чем это чревато. Нет, я-то вел себя разумно, не забывая о последствиях. Но нетрудно представить, какой начнется кавардак, если все кому не лень повалят в кегельбаны времени и будут сбивать кегли направо и налево, повергать в ужас туземцев, распугивать горожан, вмешиваться в судьбу Наполеона или воскрешать Гитлера и ему подобных? Боже упаси! Правительство, разумеется, согласилось — вернее, потребовало, чтобы «конвектор Тойнби» стоял на вечном приколе. Сегодня ты стал первым и последним человеком, чьи отпечатки пальцев останутся на его рычагах. Десятки тысяч дней аппарат находился под надежной охраной, чтобы его не украли. Что там со временем?

Шамуэй посмотрел на часы, у него перехватило дыхание:

— Осталась одна минута, продолжаем обратный отсчет...

Теперь Шамуэй стал отсчитывать вслух секунды, старик отсчитывал вместе с ним.

Они подняли бокалы с шампанским.

— Девять, восемь, семь...

Внизу наступила мертвая тишина. Небо дышало ожиданием. Телекамеры устремились кверху, готовые начать слежение.

— Шесть, пять...

Они чокнулись.

— Четыре, три, две...

Сделали первый глоток.

— Одна!

Оба со смехом выпили еще. Потом взглянули на небо. Золотистый воздух над береговой линией Лакхольи замер. Настал миг великого прибытия.

— Оп! — выкрикнул молодой репортер, словно фокусник на манеже.

— Оп, — мрачно повторил Стайлз.

Никакого эффекта.

Прошло пять секунд.

Небо зияло пустотой.

Прошло десять секунд.

Воздушная стихия не дрогнула.

Прошло двадцать секунд.

Ничего.

Не выдержав, Шамуэй вопросительно посмотрел на старика, стоявшего рядом.

Стайлз выдержал его взгляд, повел плечами и сказал:

— Я солгал.

— Что? — вскричал Шамуэй.

В толпе началось волнение.

— Я солгал, — без обиняков повторил старик.

— Не может быть!

— И тем не менее, — сказал путешественник во времени. — Никуда я не летал. Просто обставил все так, чтобы все поверили. Машины времени нет и в помине — есть только ее подобие.

— Как же так? — Репортер в полной растерянности схватился за перила. — Как же так?

— Вижу, у тебя на лацкане закреплен микрофон. Включай. Да. Годится. Пусть все слышат. Поехали.

Старик допил остатки шампанского, а потом заговорил:

— Все потому, что я рос в такое время — в шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы, — когда человечество потеряло веру в себя. Я воочию видел это неверие: у меня на глазах разум утратил разумное стремление к выживанию; от этого мною овладела тревога, потом апатия, потом злость. Везде и всюду в том, что я видел и слышал, сквозило сомнение. Везде и всюду маячил крах. В профессии — безысходность, в размышлениях — тоска, в политике — цинизм. А если не скука и не цинизм, то воинствующий скепсис и ростки нигилизма.

Старик умолк, припомнив что-то еще. Он нагнулся, чтобы извлечь из-под стола коллекционную бутылку красного бургундского с этикеткой 1984 года. С осторожностью вытаскивая старинную пробку, он продолжил свой рассказ.

— Куда ни кинь — просвета не было. Экономика пришла в упадок. Земля превратилась в помойку.

Главным настроением стала меланхолия. Невозможность перемен стала популярной идеей. Девизом сделался конец света... Все потеряло смысл. Ложишься спать в одиннадцать, устав от мрачных вестей, просыпаешься в семь, а вести — еще хуже. Весь день барахтаешься в пучине. Ночью тонешь в омуте бед и напастей. Ох!

Это пробка с тихим хлопком выскочила из горлышка. Нынче 1984 год не сулил никаких бед, можно было дать вину «подышать». Путешественник втянул носом аромат и одобрительно кивнул, прежде чем рассказывать дальше.

— На горизонте появились не только четыре всадника апокалипсиса, готовые обрушиться на наши города; с ними был пятый всадник, пострашнее прочих: отчаяние, кутаясь в темный саван краха, созывало прошлые беды, нынешние поражения, будущее малодушие. Под градом черных плевел, без единого светлого зерна, какую жатву готовил человечеству пресловутый двадцатый век?.. Луну предали забвению, забытыми оказались и красные пески Марса, и гигантский глаз Юпитера, и фантастические кольца Сатурна. Мы не ждали утешения. Мы рыдали над могилой ребенка, и этим ребенком были мы сами.

— Неужели это правда? — тихо спросил Шамуэй. — Всего сто лет назад?

— Чистая правда. — Будто в подтверждение своих слов, путешественник поднял бутылку. Плеснув себе немного вина, он пристально изучил его на свет, вдохнул аромат и продолжил: — Ведь ты смотрел хронике того времени, читал книги. Ты и без меня это